

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

ДѢЙСТВІЯ И ЗАНЯТІЯ ВОЙСКЪ СРЕДНЕ-ФАРСКАГО ОТРЯДА (*).

Статья А. Введенскаго, представляя вѣрное описаніе военныхъ дѣйствій при занятіи р. Пшехи лѣтомъ 1862 года, недостаточно очерчиваетъ дѣйствія непріятеля 16-го іюня, которыя отличались рѣдкою отважностью. И такъ какъ много было говорено въ пользу и не въ пользу достоинствъ нашихъ бывшихъ непріятелей на Кавказѣ, то я считаю нелишнимъ привести нѣсколько данныхъ въ дополненіе существующихъ мнѣній, находя эти данныя достойными вниманія военныхъ.

Для ясности разсказа я начну съ того, что рекогносцировка пути съ Куаго на Пшеху, произведенная не 13-го, а 14-го іюня, была произведена по перешейку между лѣсами, опушающими правый берегъ Пшехи, и лѣснымъ мысомъ, который тянется отъ лѣсистаго хребта Ангуль къ Пшехѣ. Такъ какъ этотъ перешеекъ лежалъ подъ выстрѣлами изъ лѣсовъ съ обѣихъ сторонъ, то, для обезпеченія прохода колонны, лѣсныя опушки направо и налево были заняты, 14-го, каждая двумя ротами, почти безъ выстрѣла. Колонна вышла тогда на поляну за прогалиной и послѣ непродолжительнаго привала возвратилась въ лагерь. Рубки же—о которой упоминаетъ авторъ

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., № 8, статью: „Дѣйствія и занятія войскъ средне-фарскаго отряда“.

вышеазванной статьи—въ этотъ день тамъ не производилось, и лѣсъ остался въ такой же цѣлости, какъ и былъ.

Непріятель еще 15-го числа обнаружилъ свои значительныя силы: съ высотъ на Куаго мы видѣли въ теченіе всего дня большія партіи на полянахъ Пшехи, и потому генералъ Тихоцкій составилъ авангардъ изъ самыхъ боевыхъ частей отряда, безъ всякаго обоза.

16-го, подойдя къ открытому перешейку, раздѣляющему два лѣса, мы увидѣли, что правый лѣсъ занятъ многочисленнымъ непріятелемъ, и хотя въ лѣвомъ лѣсномъ мысу не было замѣтно ни души, но я зналъ отъ милиціонеровъ, что въ этой чащѣ тоже засѣлъ непріятель. Не было никакого расчета повторять дѣйствіе 14-го іюня, занимая обѣ опушки, для того, чтобы дать возможность пройти войскамъ на открывавшуюся впереди поляну Пшехи: было очевидно, что въ правомъ лѣсу, тянувшемся непрерывною стѣною внизъ по Пшехѣ, непріятель готовился къ упорному сопротивленію, а въ лѣвомъ, напротивъ, онъ не могъ долго держаться, по причинѣ малой ширины лѣса и опасенія обхода съ поляны, лежащей сзади, куда всегда можно было направить часть нашихъ войскъ, разъ какъ только партія, сидѣвшая въ лѣвомъ лѣсу, была занята нападеніемъ съ фронта. Овладевъ же этимъ лѣснымъ мысомъ, можно было продвинуть войска по опушкѣ его внѣ выстрѣловъ изъ праваго лѣса. Вслѣдствіе того два батарейныхъ орудія сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ картечью по лѣвому лѣсу, а двѣ роты стрѣлковъ Ширванскаго полка въ разсыпномъ строю ринулись въ лѣсъ съ тою рѣшимостью, которая характеризуетъ кавказскихъ солдатъ и которая принята на Кавказѣ для занятія лѣса. Непріятель съ честью выдержалъ картечь, не изобличивъ себя ничѣмъ, хотя, какъ мы увидѣли вскорѣ, ему досталось отъ картечи. Въ лѣсу не только царствовало глубокое молчаніе, но не было видно ни одной папахи, ни одного ствола; но когда ширванцы добѣжали на пистолетный выстрѣлъ, то опушка закурилась дымомъ, загремѣлъ бѣглый огонь, и ихъ осыпали пулями. Въ нѣсколько мгновеній они были уже между деревьями, перекололи передовыхъ защитниковъ и углубились въ чащу. Лѣсъ былъ нашъ. Въ резервъ ширванцамъ пошли двѣ остальные ихъ роты, а отрядъ двинулся впередъ, и, на случай, если бы непріятель захотѣлъ упорствовать въ глу-

бѣнѣ лѣса, посланы были двѣ роты обогнуть выдающуюся часть лѣса и зайти въ тылъ горцамъ.

Входъ на поляну Пшехи былъ обезпеченъ для всего отряда, и непріятель въ правомъ лѣсу остался въ сторонѣ; но такъ какъ онъ тамъ былъ многочисленъ, то въ правой цѣпи шли четыре роты съ четырьмя орудіями.

Абадзехи не отказались однако помѣряться съ нами. Едва тронулись колонны съ мѣста и они увидѣли, что пройдутъ мимо ихъ, не завязывая дѣла, какъ правый лѣсъ огласился гикомъ, и толпы, его наполнявшія, ринулись на правую нашу цѣпь. Онѣ встрѣтили жестокій отпоръ: огонь нарѣзныхъ ружей и картечь артилеріи обдали ихъ свинцомъ и чугуномъ; но горцы смѣло лѣзли впередъ и остановились только послѣ большой потери, заколебались, опрокинулись къ лѣсу и, подъ тѣмъ же губительнымъ огнемъ, снова яростно устремились на наши войска и долго пытались дорваться до цѣпи. Наконецъ потери угомонили ихъ, и они окончательно бросились въ лѣсъ, подбирая своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Въ то же время, или нѣсколько послѣ, имѣла дѣло и главная колонна въ правой своей цѣпи, то, о которомъ говоритъ г. Введенскій. Во время движенія на Пшеху былъ посланъ изъ станицы Бѣлорѣченской дивизионъ переяславскихъ драгунъ съ бумагами къ генералу Тихоцкому. Перейдя высоты нагорнаго лѣваго берега р. Бѣлой, драгуны поскакали въ догонку отряда; но параллельно съ ними, подъ лѣсами праваго берега Пшехи, неслась большая конная партія непріятели, поспѣшая на мѣсто дѣла. Достигнувъ колонны, она бросилась въ лѣсъ и, оставя тамъ коней, атаковала роты линейнаго баталіона. Было ли это нападеніе одновременно съ нападеніемъ на правый флангъ авангарда, или нѣсколько послѣ, я не упомяну; скорѣе послѣ, потому что пушечные выстрѣлы гремѣли еще сзади, когда авангардъ, отразивъ нападеніе, двинулся далѣе.

Выйдя на поляну, кавалерія авангарда—четыре эскадрона, сотня казаковъ, съ двумя конными орудіями—была направлена прямо по полянѣ противъ разсѣянныхъ на ней конныхъ партій, для развлеченія непріятели, а пѣхота, выбравъ мѣсто, гдѣ лѣсъ по Пшехѣ былъ рѣже, поворотила вправо къ этой рѣкѣ. Кавалерія отгѣснила непріятели въ уголъ поляны, тамъ, гдѣ она, сѣуживаясь, окоймлена съ одной стороны лѣсомъ, спускающимся съ горъ, а съ другой лѣсомъ, вытягивающимся отъ

Пшехи къ горамъ. Непрiятель не преминулъ, конечно, засѣсть въ лѣсу, а часть драгунъ, спѣшившись, заняла опушки обѣихъ сторонъ лѣсистаго угла. Пѣхота же, дойдя до рѣки, т. е. до мѣста, которое назначено было занять, очутилась въ невозможности оставаться тамъ, потому что лѣвый берегъ рѣки повсемѣстно командовалъ правымъ на ружейный выстрѣлъ, покрытъ лѣсомъ и былъ занятъ непрiателемъ; поэтому 19-й стрѣлковый баталiонъ, бывший въ головѣ колонны, перешелъ Пшеху и занялъ лѣвый нагорный берегъ. Съ этого мѣста открылась обширная равнина, окоймленная вдали непрерывнымъ лѣсомъ, а на долинѣ двигалась многочисленная непрiятельская конница. 19-й стрѣлковый баталiонъ, занявъ три высоты, раздѣленные оврагами, каждую одною ротою, усилилъ эти высоты засѣнками; одна рота была отдѣлена въ резервъ; въ среднюю засѣнку, наиболѣе выдающуюся, были поставлены два горныхъ орудiя. Такимъ образомъ, этотъ баталiонъ совершенно прикрылъ отрядъ отъ покушенiй съ праваго берега и сдѣлалъ возможнымъ расположенiе его на назначенномъ мѣстѣ.

Отрядъ стягивался, но не могъ еще предаться отдыху, потому что нужно было „обрубиться“. Мѣсто расположенiя было покрыто лѣсомъ и кустарникомъ, и изъ лѣсу по насъ стрѣляли. Въ лѣсѣ были выдвинуты цѣпи, а сади рубили, очищая мѣсто для лагеря и на ружейный выстрѣлъ предъ нимъ.

Но въ кавалерiи, отправленной отъ авангарда и бывшей далеко отъ насъ, пушечные выстрѣлы раздавались все чаще и чаще, и вскорѣ оттуда прiѣхалъ гонецъ съ извѣстiемъ, что кавалерiя не можетъ выйти изъ угла, въ который зашла, ибо каждый разъ, какъ только спѣшенные драгуны оставляютъ опушку, чтобъ сѣсть на коней, непрiятель кидается на нихъ въ шашки, не даетъ сѣсть, и они снова должны занимать опушку. Пришлось выручать драгунъ: шесть ротъ пѣхоты, при четырехъ орудiяхъ, направлены были въ лѣсѣ, составлявшiй правую сторону угла, въ который зашли драгуны, и непрiятель, какъ только почувствовалъ ихъ наступленiе, очистилъ часть лѣса, сталъ слабѣе напирать на драгунъ и далъ имъ возможность собраться на полянѣ, откуда они прибыли въ лагерь. Но взводъ конной артиллерiи, бывший съ драгунами и казаками, выпустилъ почти всѣ свои заряды, отражая непрерывныя нападенiя горячаго непрiятеля.

Послѣ полудня все успокоилось въ лагерѣ; работали только

топоры, да стрѣлки, прикрывавшіе рубку, мѣнялись рѣдкими выстрѣлами съ непріателемъ. Вдругъ, около пяти часовъ по-полудни, на лѣвомъ берегу Пшехи загорѣлся бѣглый огонь 19-го стрѣлковаго баталіона, загремѣли частые выстрѣлы горныхъ орудій, и окрестности огласились неистовымъ гоганьемъ непріателя. Все всполошилось, и хотя расположенія 19-го баталіона не было видно, но было ясно, что на него сдѣлано нападеніе. Когда я прискакалъ на высоты за Пшеху, то увидѣлъ самое замѣчательное зрѣлище: та кавалерія непріателя, которая сновала на равнинѣ лѣваго берега съ самаго утра, вся какъ была, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, ринулась на 19-й стрѣлковый баталіонъ. Какъ буря неслись толпы всадниковъ на засѣки стрѣлковъ, оглашая воздухъ дикими воплями; передовые падали подъ картечью и огнемъ трехъ ротъ; ихъ убирали, а задніе ломились на засѣки съ такой же яростью; вся масса колебалась, отбрасывалась назадъ и снова какъ вихрь неслась на насъ... Это нападеніе было находкой для лихихъ стрѣлковъ 19-го баталіона, которые изъ засѣкъ, съ присошекъ, били конницу жестокимъ огнемъ, опрокидывая всадниковъ и лошадей. Безумная выходка длилась съ полчаса, и подкрѣпленія, посланныя изъ-за Пшехи, пришли тогда, когда непріатель обратился въ бѣгство.

Тѣмъ кончилось дѣло 16-го іюня при занятіи Пшехи. Зная хорошо нашего кавказскаго непріателя, я въ первый разъ одинакожь видѣлъ въ немъ такую рѣшимость. Всѣ служившіе на Кавказѣ во время войны знали, что непріатель нашъ одаренъ большою отвагою; выраженіе „лѣзутъ какъ черти“ не было преувеличеніемъ, когда дѣло происходило въ закрытомъ мѣстѣ, а въ открытыхъ мѣстахъ непріатель рѣдко упускалъ случай воспользоваться оплошностью. Правда, во время покоренія Кавказа съ 1856 по 1864 годъ дѣла ослабѣли, но благодаря превосходству нашего вооруженія и маневрамъ, а не упадку непріателя: куда же было горцамъ тягаться съ нашими нарѣзными ружьями! И мы проходили много и много мѣстъ безъ выстрѣла, гдѣ въ прежнія времена бой былъ бы неизбеженъ.... Я никогда не видѣлъ и не знаю такихъ яростныхъ нападеній, какія дѣлали горцы 16-го іюня 1862 года: нападеніе ихъ изъ лѣсу на правыя наши цѣпи и стойкость, которую они обнаружили въ немъ, сдѣлаетъ честь всякой пѣхотѣ; но я вызываю какую угодно кавалерію произвести такую не-

истовую атаку на пѣхоту и артилерію въ засѣнкахъ, какъ атака на 19-й стрѣлковый баталіонъ! Для этого нужно, чтобъ военный пылъ огнемъ горѣлъ, накаляя отважность до безумія. Очевидецъ большихъ боевъ и дѣйствій войскъ лучшихъ на свѣтѣ, я считаю долгомъ отдать должный почетъ нашимъ бывшимъ врагамъ на Кавказѣ, какъ воинамъ, достойнымъ славы.

Гр. Д. ДОВРОВОЛЬСКІЙ-ЕВДОКИМОВЪ.

Г. Владикавказъ.
10-го сентября 1866 г.